

0-793723

На правах рукописи

Щербаков Александр Феликсович

**СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
КАТЕГОРИИ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В РУССКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИРИКЕ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Уфа – 2012

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Тупикова Наталия Алексеевна

Официальные оппоненты: Калимуллина Лариса Айратовна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общего и сравнительно-
исторического языкознания Башкирского
государственного университета

Королева Юлия Георгиевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка, литературы и
методики преподавания русского языка и
литературы Бирской государственной
социально-педагогической академии

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»

Защита состоится 20 марта 2012 г. в 11 часов на заседании диссертационного
совета Д 212.013.02 при ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского
государственного университета.

Автореферат разослан 18 февраля 2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000802442

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ибрагимова В.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена комплексному исследованию функциональных свойств средств выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике.

Сопоставительно-типологический аспект – необходимый компонент эффективного подхода к изучению любого языкового явления, направленному на углубленный и обобщающий анализ сходств и различий в структуре и семантике сопоставляемых единиц и категорий [Будагов 2000; Карпенко 2001; Манакин 1994; Маркова 2006; Мечковская 2001; Молошина 2001; Нещеретова 2006]. Многообразие классификаций и трактовок имперсональности (безличности) [Бояджиев, Куцаров 1999; Виноградов 1986; Георгиев 1990; Лучик 2004; Степанов 1990; Тупикова 1998; Fischer 2010; Nagórko 1997], сложный характер ее реализации в художественном тексте [Вежибicka 1996; Гришина 1995; Демакова 2004] обуславливают необходимость рассмотрения названного феномена на новом материале с учетом национально-культурного своеобразия славянской поэзии. Это определяет **актуальность** предпринятого исследования.

Цель работы – выявить сходства и различия в семантике и функциях языковых единиц как средств выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике. Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) проанализировать научные подходы к характеристике категории имперсональности в славянских языках;
- 2) дать комплексный лексико-семантический, функционально-грамматический и функционально-семантический анализ средств выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике второй половины XX – начала XXI вв.;
- 3) выявить типы взаимосвязи разноуровневых признаков при использовании языковых единиц со значением безличности в текстах стихотворений славянских поэтов;
- 4) показать стилистическое использование и разграничить функции средств выражения категории имперсональности в контексте;
- 5) охарактеризовать особенности отражения мировосприятия личности при реализации категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике.

Объектом анализа избраны языковые единицы со значением безличности, используемые в стихотворениях российских, польских и болгарских поэтов, **предметом** – разноуровневые признаки, определяющие специфику функционирования средств выражения категории имперсональности в поэтическом тексте.

Источником для отбора материала является современная славянская поэзия второй половины XX – начала XXI вв., тематика которой связана с осмыслением окружающей действительности, межличностных отношений,

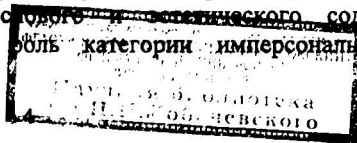
внутреннего мира человека, конкретных жизненных ситуаций и философских, общественно-социальных вопросов бытия, принципов мироустройства.

Единицей наблюдения является словформа со значением безличности, функционирующая в контексте (всего проанализирован 3021 случай употребления языковых единиц).

Методологические основы работы базируются на теоретических положениях о разграничении языка и речи, системы и текста [Будагов, 1972; Гируцкий 2003; Ломтев 1976; Соссюр 1999; Успенский 1965], плана выражения и плана содержания языковых единиц [Даниленко 2010; Ельмслев 1960; Сепир 1993; Серебренников 1968; Степанов 1972], о выделении универсалий и уникалий, что характерно для сопоставительных и типологических исследований в области языкознания [Байрамова 2004; Будагов 2000; Гладров 1989; Городецкий 1969; Кацнельсон 1986], взаимодействии лексических и грамматических значений [Бондарко 2002; Васильев 1981; Виноградов 1986; Маслов 1984; Шарандин 2001], о системных отношениях глагольной лексики [Бабенко 1999; Васильев 1985; Гайсина 1982; Кузнецова 1982], специфике художественной речи [Арнольд 1981; Болотнова 1992; Винокур 1991; Знаменская 2002; Кожина 1993; 2003], роли субъекта действия (состояния, отношения), обозначенного глаголом [Бирюлин 1994; Бондарко 1984; Лопушанская 1988; Маслов 1990; Пупынин 1992; Тупикова 2006], и способности языковых единиц опосредованно отражать особенности мировосприятия автора [Арутюнова 1999; Будагов 1983; Вежбицкая 1996; 2001; Выготский 1934].

В работе использованы методы: описательный, включающий наблюдение, интерпретацию и классификацию языкового материала; сопоставительный, который служит для выявления сходств и различий в употреблении языковых единиц со значением имперсональности в лирике славянских поэтов; элементы компонентного и контекстуального анализа, позволяющие раскрыть семантико-стилистические особенности языковых единиц в поэтических произведениях; применяется прием количественного подсчета, обобщенно представляющего результаты анализа материала.

Новизна работы заключается в том, что в исследовании впервые определен комплекс средств выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике второй половины XX – начала XXI вв.; сопоставлены лексико-семантические, семантико-грамматические и функционально-стилистические свойства языковых единиц со значением имперсональности в контексте; показано взаимодействие разноуровневых признаков и выявлены типы их сопряжения в высказывании при реализации категории имперсональности; установлено, что выражение безличности связано со спецификой актуализации темпоральной семантики и способов представления субъекта действия (состояния, отношения) в поэтическом тексте; показан изобразительно-выразительный потенциал языковых единиц и обосновано разграничение функций рассматриваемых средств, участвующих в формировании информативно-смыслового содержания поэтического содержания стихотворений; охарактеризована роль категории имперсональности в

русской, польской и болгарской лирике при выражении мировосприятия личности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в разработку вопросов сопоставительного языкознания, стилистики художественной речи, в исследование проблемы соотношения грамматических и функционально-семантических категорий в славянских языках.

Практическая ценность работы определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы в курсах грамматики и стилистики современных славянских языков, введения в славянскую филологию, в спецкурсах по проблемам художественной речи и лингвостилистического анализа текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В русской, польской и болгарской лирике второй половины XX – начала XXI вв. используются безличные глаголы, безлично-предикативные наречия, формы на –но/-то, безлично-отрицательные формы и конструкции, которые реализуют комплекс разноуровневых признаков (лексико-семантических, функционально-грамматических, функционально-семантических, стилистических), определяющих выражение категории имперсональности в поэтических текстах.

2. Релевантной для выражения имперсональности в лирических стихотворениях является специфика лексической, темпоральной семантики и степени конкретизации субъекта действия (состояния, отношения) в контексте – определенного, известного, ограниченного либо неограниченного в своей неопределенности, обобщенного или нулевого.

Регулярная реализация разноуровневых признаков в русской, польской и болгарской лирике обнаруживается в стихотворениях при актуализации значений бытия, существования, наличия / отсутствия, психического состояния, расположения субъекта к чему-л., действий, произведенных неуказанным производителем; темпоральных значений аористического, перфектного, настоящего актуального расширенного, неактуального потенциального или абстрактного времени; при выражении определенного либо неограниченного в своей неопределенности субъекта действия (состояния, отношения) в высказывании.

3. Нейтральные и стилистически окрашенные средства выражения категории имперсональности участвуют в формировании информативно-смыслового содержания стихотворений, выполняя номинативную, текстообразующую, идейно-смысловую и композиционную функции, и в реализации эстетического воздействия на читателя при использовании в образной, экспрессивной и характерологической функциях.

Наибольшим спектром функций в русской лирике характеризуются средства выражения категории имперсональности, выступающие при метафорическом переосмыслении действительности, употребляемые в составе обратного олицетворения, анафоры, в польской лирике – участвующие в создании иносказания, синекдохи, сравнения, анафоры, риторического

восклицания, в болгарской поэзии – используемые в метафорических контекстах, в составе приемов антитезы, параллелизма, риторического восклицания.

4. Функциональные свойства языковых единиц со значением имперсональности в русской, польской и болгарской лирике отражают специфику мировосприятия личности славянских поэтов как представителей определенной национально-культурной общности.

Апробация работы. Основные результаты исследования нашли отражение в докладах на Международной научной конференции «Русе – Волгоград» [Русе, 2006], Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева, «Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур» [Волгоград, 2006], IV Международной конференции «Человек в современных философских концепциях» [Волгоград, 2007], II Международной научной конференции «Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов» [Волгоград, 2007], Международном научно-практическом семинаре «Ценностные приоритеты в изучении и преподавании славянских языков» [Волгоград, 2008], Третьей Международной научной конференции «Проблемы семантики и стилистики текста» [Лодзь, 2008], Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» [Москва, 2009], Международной научной конференции «Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов» [Волгоград, 2010], Международной научной конференции «Русская речь в современных парадигмах лингвистики» [Псков, 2010], на Борковских чтениях [Волгоград, 2006–2010], межрегиональной научной конференции «Проблемы модернизации региона в исследованиях молодых ученых» [Волгоград, 2008], X региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области [Волгоград, 2005], внутривузовских научных конференциях в Волгоградском государственном университете [Волгоград, 2002–2010].

По теме диссертационного исследования имеется 15 публикаций, в том числе 2 статьи в соавторстве и 2 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы, источников и словарей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор и актуальность темы, определяются объект, предмет, цель и задачи работы, методологические основы и методы анализа материала, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Научные подходы к изучению категории имперсональности в славянских языках» рассматривается категориальный

аспект изучения имперсональности в русском, польском и болгарском языках, определяются принципы анализа данной категории в художественном тексте.

Сложившиеся научные подходы к изучению категории безличности (имперсональности) [Бондарко 2002; Виноградов 1947; Галкина-Федорук 1958; Пашов 1999; Петров 2004; Тупикова 1994; Bartnicka, Satkiewicz 1990; Laskowski 1999] свидетельствуют о том, что ее природа в русском, польском и болгарском языках раскрывается в плане содержания на основе общего семантического признака – обозначения процесса, не зависящего от воли субъекта, производителя, носителя предикативного признака. В плане выражения категория имперсональности представлена определенной системой средств реализации данной семантики, которые, учитывая сопоставительный характер данного исследования, мы представляем в следующих сходных для славянских языков группах: безличные глаголы, безлично-предикативные наречия (включая модальные предикативы), формы на *-но/-то*, безлично-отрицательные формы и конструкции.

Анализ лексического наполнения рассматриваемых языковых единиц учитывает разные классификации [Васильев 1981; 1990; 2005; Виноградов 1947; Галкина-Федорук 1958; Ибрагимова 1978; 1988; Кузнецова 1988; Бабенко 1999; Шахматов 1941].

В работах российских ученых выделяется 14 групп русских безличных глаголов [Виноградов 1947, с. 384; Галкина-Федорук 1958, с. 129, 175; Шахматов 1941, с. 92–94], классификация польских глаголов представлена 9 основными значениями [Bartnicka, Satkiewicz 1990, с. 158–160], в болгарском языке называются 7 семантических групп безличных глаголов [Бояджиев, Куцаров 1999, с. 342; Георгиев 1993, с. 79–80]. Несмотря на различия в подходах к определению лексического наполнения глагольных единиц по степени абстракции обозначаемого процесса (см. Схему 1), сопоставление теоретического материала и анализ фактов в проанализированных текстах позволили дать их единую классификацию применительно к цели исследования.

Семантика безлично-предикативных наречий (включая модальные предикативы) определяет их включение в состав групп со значениями: состояние природы, атмосферно-метеорологические явления; состояние окружающей среды; физическое или психическое состояние человека; оценка состояния как возможности / невозможности, необходимости, целесообразности чего-л.; морально-этическая оценка; восприятие чего-л.; временные и пространственные отношения; проявление чего-л. в достаточной мере, необходимость прекращения действия [Петрова 2004, с. 31–32].

Формы на *-но/-то (-no/-to)* формально приближены к безлично-предикативным наречиям и по функциональной семантике соотносимы с глаголами. Данные языковые единицы сочетают в себе значение действия и результата состояния [Беловольская 2001, с. 47], нерегулируемого процесса, произведенного указанным или неуказанным производителем. Ученые называют эти формы по-разному: страдательные причастия [Георгиев 1993, с. 85; Плотникова 1980, с. 287], причастные предикативы [Лекант 1997,

Соотношение семантических групп безличных глаголов в русском, польском и болгарском языках

Примечание:

■ - Состояние природы, окружающей среды	■ - Бытие, существование
■ - Функциональное состояние	□ - Обозначение недостатка, полноты, прибавления, убыли
■ - Стихийные явления	■ - Непроизвольно, сами по себе возникшие процессы
□ - Внутренние ощущения человека и физиологические изменения в организме	■ - Действия неизвестной силы или недостоверное восприятие действительности
■ - Ощущения от физических явлений	□ - Связочная функция
■ - Психические переживания человека	■ - Рекомендация или запрещение
■ - Действия, произведенные неуказанным производителем	■ - Телесные и душевные состояния субъекта
■ - Расположение субъекта к тому или иному действию	■ - Умственные процессы, стремление, желание
■ - События, связанные с представлением о судьбе, роке	■ - Константация осуществления чего-л.
	□ - Наличие/ отсутствие чего-л.

с. 3–8], *bezosobniki* [Bartnicka 1990, с. 158–164], *niesobowe formy* [Strutyński 1996, с. 211]. Польские лингвисты причисляют данные формы к глаголам с формантами *-(n)o*, *-(on)o*, *-(t)o*, *-(ent)o* [Strutyński 1996, с. 211].

К средствам выражения имперсональности относятся также безлично-отрицательные формы и конструкции: *не было*, *нет*, *не будет*, *не было бы*. Некоторые ученые считают, что слово *нет* (из «не есть»), обозначающее отсутствие предмета, лица или явления, формально тяготеет к глаголу (*нет – не было – не будет – не было бы*), семантически – к прилагательному [Петров 2007, с. 11].

В качестве важного функционально-семантического свойства рассматриваемых языковых единиц мы выделяем, вслед за Н.А. Тупиковой, способы реализации специфических признаков носителя предикативного признака, субъекта действия (состояния, отношения) в высказывании [Тупикова 1998, с. 87–88]. В контексте при анализе композиционно-содержательной стороны поэтических произведений в данном исследовании обращается также внимание на характеристику ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи или иной точке отсчета [Бондарко 1971, с. 65–112; 1990, с. 5].

В научных исследованиях отмечается особая роль категории безличности как средства поэтического дискурса, имеющего большой потенциал, проявляющийся в словотворчестве мастеров слова [Кожина 1993, с. 143, 153; Недев 1993, с. 81; Поповская 2006, с. 42; Петров 2007, с. 9]. Средства выражения категории имперсональности имеют большое значение при построении стихотворного текста, способствуют связи его частей, соотносению их друг с другом [Демакова 2004, с. 72–75], обладают немалым образным потенциалом, участвуют в создании метафорической основы высказывания, мифологического и др. восприятия окружающего мира [Вежбицкая 1996; Гришина 1995; Певнева 1996].

Таким образом, в данном исследовании учитывается категориальная природа имперсональности в русском, польском и болгарском языках в плане содержания и плане выражения; принимается также во внимание, что ее конкретизация связана с лексическим наполнением словоформ, функционально-семантическими свойствами языковых единиц, контекстуальными смысловыми приращениями, спецификой образного художественного контекста.

Во второй главе «Средства выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике» выявляются разноуровневые признаки языковых единиц, используемых со значением имперсональности в поэтических текстах, дается их сопоставительная и типологическая характеристика.

При характеристике лексико-семантических свойств рассматриваемых средств в русской, польской и болгарской поэзии зафиксированы языковые единицы 12-ти семантических групп; они обозначают состояние природы, окружающей среды; бытие, существование, наличие либо отсутствие чего-л.; недостаток, полноту, прибавление, убыль чего-л.; физиологическое состояние; психическое состояние субъекта; ощущение субъекта от внешних явлений; недостоверное восприятие действительности; расположение субъекта к действию (состоянию); представление о неотвратимости судьбы, рока; функциональное состояние лица, субъекта; обозначение нерегулируемых действий, произведенных указанным или неуказанным производителем; самостоятельно, произвольно возникающие процессы.

Анализ текстов стихотворений показал, что данная семантика реализуется при выражении в контексте определенных темпоральных значений, важную роль также играют способы представления субъекта действия (состояния, отношения) в высказывании (см. Таблицы 1, 2).

Функционально-семантическая характеристика рассматриваемых средств связана с такими признаками, как замещенность/незамещенность позиции «первого агента» [термин Ю.С. Маслова, см.: 1990, с. 104]: позиция может быть замещена, открыта либо не открыта; по способу выражения субъект – носитель предикативного признака может быть эксплицитным, имплицитным либо невыраженным; по способу представления в высказывании определенным, известным, ограниченным или неограниченным

в своей неопределенности, обобщенным либо нулевым [термины см.: Тупикова 1998, с. 202–206].

С семантикой определенного субъекта, который может быть эксплицитрован личными, неопределенными, отрицательными местоимениями, конкретными, абстрактными, одушевленными или неодушевленными существительными, в русской, польской и болгарской лирике связана актуализация в контексте аористического и имперфектного темпоральных значений, а также настоящего актуального конкретного, расширенного, постоянного, неактуального потенциального и абстрактного времени, будущего расширенного, обычного и повторяющегося действия; зафиксированы формы сослагательного и повелительного наклонений в рассматриваемом материале. Например, состояние определенного субъекта при настоящем неактуальном потенциальном времени наблюдается в следующих контекстах: «Я плотью теплою – плебей, организованная глина. Хрусталь вызванивает длинно о том, что нет меня глупей» (Р. Казакова. «Монолог кувшина»); «Brak ci zmysłu udziału» (W. Szymborska. «Rozmowa z kamieniem»); «Така ми се смее. А пък тябва да ми е мъчно» (В. Балева. «Полусериозно»). Для русской и польской лирики выражение определенного субъекта при безличной семантике сопряжено с перфектным значением, а также значением будущего времени конкретного и постоянного действия. Плюсquamперфектное значение в безличных конструкциях нами зафиксировано только в болгарской поэзии, например: «И тъй като ми бе омръзнало да бъда навигатор, задрямах на задната седалка» (М. Душкова. «Южна пролет '99»); в лирике польских и болгарских авторов частотно настоящее актуальное расширенного действия; в польской лирике – выражение аористического и перфектного прошедшего времени, настоящего неактуального абстрактного и потенциального времени. Безличность в произведениях болгарских поэтов связана с реализацией преимущественно настоящего актуального постоянного времени. Значение будущего времени в славянской лирике наблюдается в немногочисленных случаях, как и употребление форм сослагательного и повелительного наклонений.

Субъект – носитель предикативного признака в русской, польской и болгарской лирике может быть имплицитным, известным из контекста при актуализации аористического, перфектного значений, настоящего актуального расширенного времени и будущего времени конкретного действия. Например, при реализации аористической семантики в высказывании: «Нежданно печаль наплывает, Хоть было недавно смешно» (А. Дементьев. «В любви мелочей не бывает...»); «Zrobiło się nieswojo, zapadło milczenie» (W. Szymborska. «Przypowieść»); «Така беше решено» (В. Балева. «Решение»). В случае имплицитного, но известного субъекта действия (состояния, отношения) в контексте для русской и польской лирики характерна также семантика настоящего актуального постоянного, неактуального потенциального, будущего времени расширенного и постоянного действия. Только в русской лирике отмечены языковые средства в высказываниях с имперфектной семантикой, значением настоящего актуального конкретного и неактуального абстрактного

времени. Обобщенные данные свидетельствуют о том, что частотными в анализируемой поэзии являются средства выражения имперсональности, когда реализуется темпоральное значение настоящего актуального расширенного времени, в произведениях российских и польских поэтов – аористическая семантика.

В контексте субъект может быть представлен имплицитно как ограниченный в своей неопределенности обозначаемой ситуацией, временными и/или пространственными рамками события. Для стихотворений российских и польских поэтов характерно употребление языковых единиц в контекстах с аористической семантикой, значением настоящего неактуального абстрактного и будущего времени конкретного действия. Например, при реализации аористического значения: «Наша близость превыше признаний и фраз. Все, что надо сказать, она скажет за нас» (А. Дементьев. «Мы с тобою любовь...»); «Umrzeć przyjdzie, gdy się kochało wielkie sprawy głupią miłością» (К. Вацуйнски. «Z głową na karabinie»). Имплицитно выражен субъект действия (состояния, отношения) в русской и болгарской поэзии, когда актуализировано настоящее актуального расширенного и постоянного времени. Особенностью русской лирики является употребление словоформ с совершенным значением, в польских текстах имперсональность в этих случаях сопряжена с реализацией в высказывании семантики настоящего неактуального потенциального и будущего времени расширенного действия. Представление о субъекте, ограниченном в своей неопределенности, в стихотворениях болгарских авторов может быть связано с функционированием рассматриваемых средств при выражении значения настоящего актуального расширенного времени: «Не вали. Много дълго съвсем не вали. Нито дъжд. Нито сняг. Нито камъни» (В. Балева. «Не вали»).

Имплицитный субъект действия (состояния, отношения), который является по способу представления в высказывании неограниченным в своей неопределенности, безразличным для говорящего (пишущего), выступает в контекстах с совершенной семантикой: «Двадцать три весны уже подогнано к одному большому знаменателю» (С. Васильев. «Двадцать три весны уже подогнано...»); «I widzę tylko gwóźdź, z którego zdjęto obraz» (W. Szymborska. «Przy winie»); «Но в приказката е добре описано. Защо да го разказвам още?» (В. Балева. «Задушница»); встречается значение настоящего актуального расширенного и постоянного времени; в стихотворениях российских и польских поэтов, кроме того, наблюдается имперфектная семантика. Особенностью русской лирики является использование рассматриваемых средств в контекстах при аористическом значении, выражении настоящего неактуального абстрактного времени, например: «Привез я щенка, накормил его сам. Ожил волчок, резвится. И стал он расти не по дням – по часам, как в сказке о том говорится» (С. Васильев. «Рассказ дяди Егора»); в польской лирике встречается настоящее неактуального потенциального времени. В болгарской поэзии в значительном количестве представлены словоупотребления в высказываниях, где выражено настоящее актуального расширенного времени.

Обобщенный субъект – носитель процессуального признака зафиксирован

Таблица 1.

Функционально-семантическая характеристика средств выражения категории имперсональности

в стихотворениях российских, польских и болгарских поэтов

Выражение темпоральной семантики в контексте	Значение прошлого времени												Значение настоящего времени												ВСЕГО				
	Значение прошедшего времени				имперфектное				актуальн. конкретн.				актуальн. расширен.				актуальн. постопон.				акт. абстрактн.		неакт. постопон.						
	рус.	пол.	болг.	рус.	пол.	болг.	рус.	пол.	болг.	рус.	пол.	болг.	рус.	пол.	болг.	рус.	пол.	болг.	рус.	пол.	болг.	рус.	пол.	болг.			рус.	пол.	болг.
Средства выражения беспредметности и способы представления субъекта действия (состояния, отношения) в высказывании	бел. глаг.	-	2	11	27	17	7	29	-	1	3	4	1	2	1	64	51	64	-	32	117	12	29	11	14	34	10	495	
	бел.-пред. нар.	-	-	9	12	3	4	-	-	3	12	-	-	-	-	10	20	19	5	26	74	3	10	5	5	4	3	227	
	формы на -но/-то бел.-отр. формы и конструкции	-	-	7	-	3	47	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	57
Субъект действия (состояния, отношения) в высказывании	бел. глаг.	-	-	28	12	-	2	2	21	17	-	-	23	-	-	26	52	67	11	4	-	21	-	-	15	7	-	308	
	бел.-пред. нар.	-	-	1	77	4	-	1	-	-	-	-	3	-	-	17	37	32	12	1	-	17	-	-	6	-	-	208	
	формы на -но/-то бел.-отр. формы и конструкции	-	-	3	4	-	2	7	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	24	
Субъект неопределенной личности	бел. глаг.	-	-	10	49	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	18	-	48	-	5	9	4	-	-	6	-	-	157	
	бел.-пред. нар.	-	-	7	21	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	11	-	6	1	4	8	2	-	-	1	-	-	68	
	формы на -но/-то бел.-отр. формы и конструкции	-	-	3	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	
Субъект неопределенной личности	бел. глаг.	-	-	44	-	-	9	4	30	29	4	-	-	-	-	10	33	18	3	30	69	-	-	-	3	-	-	286	
	бел.-пред. нар.	-	-	22	-	-	2	1	5	2	-	-	-	-	-	8	7	9	8	2	7	5	-	-	-	-	-	78	
	формы на -но/-то бел.-отр. формы и конструкции	-	-	17	-	-	8	21	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	46	
Субъект общепонятной личности	бел. глаг.	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	
	бел.-пред. нар.	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	7	65	-	10	-	-	97	
	формы на -но/-то бел.-отр. формы и конструкции	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7	-	-	-	2	-	1	18	-	9	-	-	38	
Субъект конкретной личности	бел. глаг.	-	-	1	39	8	12	-	-	-	2	2	-	-	27	-	-	24	19	4	-	28	7	-	-	-	-	173	
	бел.-пред. нар.	-	-	18	4	8	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	8	6	2	-	9	1	-	-	-	-	58	
	формы на -но/-то бел.-отр. формы и конструкции	-	-	11	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	
Способ представления субъекта действия (состояния, отношения) в высказывании	бел. глаг.	0	0	3	252	277	46	52	111	57	60	21	6	27	2	30	108	212	355	82	76	237	209	201	25	58	116	25	2648
	бел.-пред. нар.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	формы на -но/-то бел.-отр. формы и конструкции	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
ИТОГО		0	0	3	252	277	46	52	111	57	60	21	6	27	2	30	108	212	355	82	76	237	209	201	25	58	116	25	2648

в русской и польской лирике в случаях реализации настоящего актуального постоянного, неактуального абстрактного и потенциального времени. Данный способ представления субъекта действия (состояния, отношения) в высказывании наблюдается при выражении аористического значения и семантики настоящего актуального расширенного времени, что отмечено в стихотворениях польских авторов, например, глаголы эмоционально-оценочного отношения и памяти с семантикой настоящего актуального расширенного времени: «O tych, których się kocha, najmniej się pamięta» (В. Leśmian. «Powieść o rozumnej dziewczynie»).

Невыраженный (нулевой) субъект отмечен в контексте с аористическим значением. Кроме того, в русской и польской лирике встречается настоящее неактуального абстрактного и актуального постоянного времени, например: «Девочка ошиблась. Что ж, бывает...» (Р. Казакова. «Зимняя баллада»); «Бува tak: świt się budzi od strony jeziora, nagłać nas do rozplotu snem zagrzanych łąk...» (В. Leśmian. «Usta I oczu»); в произведениях польских и болгарских поэтов отмечено также имперфектное значение: «Dniało, Mleczne wodorosty wiły skręty coraz to wyższe» (К. Baczyński. «Mgóz»); «Валеше над летището и свечеряваше когато наяднах покривалото дебело на мъглата и като сянка на крадец – с тъга в окото, поех към банката световна на живота» (Б. Христов. «Албион»); в болгарской поэзии используется настоящее актуального расширенного времени: «Късно е, звездите вече гаснат» (Б. Вангелов. «Майка»), настоящее конкретного времени, плюсквамперфектная семантика, будущее время конкретного действия.

Проведенный сопоставительный функционально-семантический анализ позволил определить шесть типов сопряжения разноуровневых признаков, «понятий, отражающих особенные черты групп объектов» [Солнцев, 1978, с. 27], которые находят регулярное выражение при реализации категории имперсональности в контексте. На формирование типов оказывает влияние такое лексическое наполнение, как выражение бытия, существования, наличия, отсутствия чего-л., обозначение психического состояния субъекта либо расположения субъекта к действию, а также действий, совершенных не указанным производителем. При этом релевантным является замещение позиции субъектного актанта и актуализация определенного субъекта – носителя предикативного признака либо его имплицитное выражение и представление в высказывании как неограниченного в своей неопределенности. Эта особенность регулярно встречается в контекстах с аористической, перфектной семантикой, значением настоящего актуального расширенного, неактуального потенциального и абстрактного времени.

К первому типу относятся случаи, при которых лексическое наполнение словоформ связано с обозначением бытия, существования, наличия или отсутствия чего-л. при выражении определенного субъекта – носителя предикативного признака и аористической претеритальной семантики в контексте: «Мы мало любили, но крепко любили, и верили в счастье и счастливы были, и не было в мыслях меж нами такого, чего б не могли мы понять с полуслова» (С. Васильев. «Мы встретимся снова»); «Całe lato nie było dżdżów, Ani w sercu zbytecznych słów, Ani mgły, ani wieści ni ros

Функционально-семантическая характеристика средств выражения категории имперсональности в стихотворениях российских, польских и болгарских поэтов

Средства выражения имперсональности и способы представления субъекта действия (состояния, отношения) в высказывании	Значение будущего времени												Отнесенность действия (состояния, отношения) к временному плану				ВСЕГО			
	конкретного действия			расширенного действия			постоянного действия			обычного и повторяющегося действия			значение сослагат. накл.		значение повелит. накл.					
	рус.	болг.	пол.	рус.	болг.	пол.	рус.	болг.	пол.	рус.	болг.	пол.	болг.	рус.	пол.	болг.		рус.	пол.	
Субъект определен	безл. глг.	8	3	-	14	17	3	4	3	-	2	3	2	8	5	6	4	2	5	89
	безл.-пред. нар. формы на -но/-то	1	-	-	10	-	-	1	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	15
Субъект неопределен	безл.-отр. формы в конструкции	10	22	-	8	5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	46
	безл. глг.	16	3	1	3	1	-	5	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	31	
Субъект известен	безл.-пред. нар. формы на -но/-то	5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6	6
	безл.-отр. формы в конструкции	12	3	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
Субъект неопределен	безл. глг.	20	5	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	27	12
	безл.-пред. нар. формы на -но/-то	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
Субъект неопределен	безл.-отр. формы в конструкции	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
	безл. глг.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
Субъект неопределен	безл.-пред. нар. формы на -но/-то	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
	безл.-отр. формы в конструкции	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
Субъект обобщен	безл. глг.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
	безл.-пред. нар. формы на -но/-то	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
Субъект обобщен	безл.-отр. формы в конструкции	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
	безл. глг.	-	-	99	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	99	23
Субъект неопределен	безл.-пред. нар. формы на -но/-то	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
	безл.-отр. формы в конструкции	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
Субъект неопределен	безл. глг.	88	37	129	35	25	4	10	5	0	3	5	2	8	5	6	4	2	5	373
	Итого																			

(К. Hłakowiczówna. «Wyszła rzeka»); «Не, нямаше в зениците им страх (Б. Вангелов. «Партизанска балада»).

Второй тип составляет сопряжение значения бытия, существования, наличия или отсутствия и представления об определенном субъекте действия (состояния) при выражении настоящего неактуального потенциального времени: «В словах произносимых. В них все деянию равно. В них нет игры и фальши» (Р. Казакова. «Гомер»); «Nie ma odwołania przed skokiem z gałęzi» (Т. Tomsia. «Liść jeszcze nie spada»); «Няма нищо абсурдно. Дишам и си мълча» (В. Балева. «Пълно»).

К третьему типу относится комплекс признаков, включающий реализацию бытийной семантики языковых единиц, функционирующих со значением имперсональности при замещенной позиции первого актанта и выражении в контексте настоящего неактуального абстрактного времени: «Красоту осенней чаши нанести бы на холсты. Жаль, что нету подходящих рам для этой красоты» (А. Дементьев. «Левитановская осень»); «Nie ma go na ziemi – jako i na niebie» (W. Szymborska. «Woda»); «За кой ли път ми позволи да вляза в дълбокото, където няма брод» (А. Андреев. «Небето вчера всичко ми разказа»).

Четвертый тип представлен в случаях выражения психического состояния определенного субъекта, что связано с реализацией в высказывании аористического значения. Например: «Мне было грустно и легко, как будто песню ты придумал я. Ее придумал для тебя» (А. Дементьев. «Сегодня на закате дня...»); «Na pustynne oazy które mijalem a w których nie wolno mi bylo odroczać» (А. Książek. «Rytmiczny puls nieożywionej materii»); «Страх ме бе, че ще носиш брадвата» (В. Балева. «Молба»).

Пятый тип составляет совокупность признаков, характеризующих расположение к действию либо состоянию лица (субъекта), определенного по способу представления в высказывании, при выражении настоящего актуального расширенного времени в контексте. Например: «Полсотне юных – как живется, на широте каких тревог? Им вволю естся, вволю пьется, грустится, любится, смеется, до безголосицы поется, танцуется до стона ног» (Л. Агеев. «Полсотни юных женщин в доме»); «A nuż jestem odmienny, niżli tobie chce się?» (В. Leśmian. «Powieść o rozumnej dziewczynie»); «Декларирам патент за сергия и че по три пъти дневно ми се яде и писе» (В. Иванова. «Данъчна декларация»).

Шестой тип составляют случаи обозначения нерегулируемых действий, совершенных неуказанным производителем, в контекстах с перфектной семантикой при имплицитном субъекте – носителе предикативного признака, который по способу представления является неограниченным в своей неопределенности: «Боже мой, как мало прожито!» (А. Дементьев. «По любви...»); «Z braku wieczności zgrupowano dziesięć tysięcy starych greszy» (W. Szymborska. «Muzeum»); «Честно казано – нищо е да умреш» (В. Балева. «Задушница»).

Анализ лексико-семантических и функционально-семантических свойств анализируемых языковых единиц позволил выявить сходства и различия в реализации категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике второй половины XX – начала XXI вв., а также определить типы сопряжения разноуровневых признаков, которые находят регулярное выражение в поэтических текстах.

В *третьей главе* «Стилистическая характеристика и функции средств выражения категории имперсональности в славянской лирике» рассматриваются изобразительно-выразительные свойства анализируемых единиц и специфика их употребления в поэтических текстах.

Иерархия функций в данном исследовании основана на разграничении информативно-смыслового и эстетического содержания поэтических произведений [Болотнова 1992; Кожина 2003], базируется на важнейших положениях, определяющих специфику художественной речи [Виноградов 1959; 1971; Винокур 1991; Ефимов 1957; Казарин 2002; Поповская 2006; Новиков 2001], экспрессивно-стилистическую характеристику языковых единиц в контексте [Арнольд 1973; Галкина-Федорук 1958; Кожина 1993; Лукьянова 1979].

По своей окраске лексические единицы могут быть нейтральными либо экспрессивными, участвовать в создании различных изобразительно-выразительных приемов организации поэтического текста. В результате анализа материала выявлено, что безличные глаголы в русской и польской лирике чаще употребляются в составе сравнения и анафоры, в стихотворениях российских и болгарских поэтов – при использовании обратного олицетворения, параллелизма, выступая рифмообразующим элементом. Спецификой русской поэзии являются безличные глаголы в метонимическом значении, например: «где пахло черным хлебом от земли» (Л. Агеев. «Где дальние кричали журавли...»), они зафиксированы при реализации гиперболы, инверсии, многосоюзия, параллелизма, семантического повтора, эпиторы. В стихотворениях польских поэтов отмечена градация: «Zachciało mu się szczęścia, zachciało mu się prawdy, zachciało mu się wieczności, patrzcie go!» (W. Szymborska. «Sto pociech»), синекдоха: «Zachciało się mej głowie śnić miłość wśród południa!» (B. Leśmian. «W południe»), в болгарской – рефрен, кольцевой повтор: «Не вали. Много дълго съвсем не вали» (B. Балева. «Не вали»).

Безлично-предикативные наречия (включая модальные предикативы) в русской и польской лирике часто участвуют в создании сравнения: «Мне было грустно и легко, как будто песню ту придумал я. Ее придумал для тебя» (А. Деметьев. «Сегодня на закате дня...»); «I jakby tam było mało rzeczywistych kłesk i cierpień – dobijemy się sowami» (W. Szymborska. «Buffo»), зафиксировано также употребление данных средств в составе анафоры, риторического вопроса. В русской и болгарской поэзии они используются в составе параллелизма: «нельзя быть таким поспешным, нельзя быть таким беспечным» (С. Васильев. «Море»); «Нито е топло. Нито студено» (B. Балева. «Не вали»), наблюдаются в метафорических контекстах, в составе семантического повтора. Особенностью функционирования данных средств в

стихотворениях российских поэтов является гиперболизация действительности, употребление при олицетворении, реализации приемов оксюморона, инверсии, многосоюзия, парцелляции, противопоставления, рефрена, риторического обращения. Зафиксировано использование синекдохи: «И душе тревожно станет, будто что произошло» (А. Деметьев. «Если что-нибудь случится...»). Безлично-предикативные наречия в польской поэзии выступают в иносказательных контекстах, риторических восклицаниях, обращениях: «Czy wiesz, że przyjaźń trzeba współtworzyć jak miłość?» (W. Szymborska. «Pytania zadawane sobie»). В болгарской лирике встречаются адвербиальные формы для создания обратного олицетворения, антитезы: «Студено е. Попръска тих дъждец, но топличко в трамвая е, уютно» (Б. Вангелов. «Трамвай № 9»), кольцевого повтора, оксюморона, эллипсиса.

Формы на –но/-то отмечены в русской лирике в иносказаниях: «Мы много лет своих лампад не гасим, поскольку не дано светить им врозь» (А. Деметьев. «Я жил вдали от юности своей...»), обратном олицетворении, служат для образования рифмы; в польской поэзии они функционируют в олицетворениях, сравнениях, при кольцевом повторе: «Tańczono twarzą przy twarzy. Tańczono» (W. Szymborska. «Czarna piosenka»), в риторических обращениях.

Безлично-отрицательные формы и конструкции в стихотворениях российских и польских поэтов могут использоваться в составе иносказания: «И нет ни обиды, ни гнева, коль нет снисхожденья к рабе» (Р. Казакова. «Я рада, что я улетаю...»), в русской и болгарской лирике употребляются для создания олицетворения.

Функциональная роль средств выражения категории имперсональности рассматривается при разграничении информативно-смыслового содержания с выделением номинативной, текстообразующей, идейно-смысловой, композиционной функций и эстетического воздействия, представленного образной, экспрессивной и характерологической функциями. Обобщенный анализ материала показал, что наибольшим спектром функций в русской лирике характеризуются средства выражения категории имперсональности, выступающие при метафорическом переосмыслении действительности, обратном олицетворении, в составе анафоры, в польской лирике – участвующие в создании иносказания, синекдохи, сравнения, анафоры, риторического восклицания, в болгарской поэзии – используемые в метафорических контекстах, в составе приемов антитезы, параллелизма, риторического восклицания.

Номинативную функцию, которая понимается как употребление языковой единицы с целью назвать, обозначить предметы, явления, качества, действия, состояния, отношения, выполняют все средства выражения категории имперсональности в контексте. Остальные функции обнаруживают избирательность.

Текстообразующая роль проявляется на основе реализации субъектно-объектных связей словоформ, благодаря чему языковые единицы

указывают на приведенные ранее или последующие фрагменты текста [Шутун 2008]. В массиве фактов отмечены средства, регулярно реализующие представление об определенном субъекте. В русской лирике при этом субъект действия (состояния, отношения) соотносится, как правило, с говорящим или третьими лицами, что связано с желанием поэтов, с одной стороны, выразить свои эмоции, чувства по отношению к обозначаемой ситуации, описать случаи из собственной жизни, с другой, – показать свое отношение к историческим событиям, явлениям окружающей действительности и др., например: «Белый флаг над челном ветром бидо» (Л. Агеев. «Уснувшие в своих печалях»). В польских стихотворениях субъект действия (состояния, отношения) соотносится с третьими лицами. Это обусловлено тем, что в произведениях нередко приводятся размышления философского характера, описываются ситуации, созданные в воображении лирического героя, не связанные с моментом речи: «Mnie tylko, mnie jednego nie było przy tobie!» (В. Leśmian. «Powieść o rozumnej dziewczynie»). В произведениях болгарских поэтов субъектные квалификаторы соотносятся с говорящим, что зафиксировано в контекстах, где звучит призыв, побуждающий кого-л. к действию, например: «Още имаме сили, щом сърцето е цяло – трябва да хванем нашата пеперуда» (Б. Христов. «Пеперуда»).

Идейно-смысловая функция наблюдается в случаях, когда языковые единицы участвуют в выражении главной мысли, идеи произведения. В болгарской лирике основной позицией для выражения данной функции является завершающая часть стихотворения, когда автор подводит цепь своих рассуждений к закономерному выводу: «Търговийката, тя ни е Бога. Продавай, купувай, граби! Във душата ни няма тревога за род и родина, уви!» (Б. Вангелов. «България чака»). В русской лирике отмечено употребление средств выражения имперсональности в начале стихотворения при обозначении проблемы, волнующей автора, которая затем на протяжении всего произведения раскрывается в образах и подробностях. В поэтических текстах польских авторов идейно-смысловая функция может актуализироваться посредством модальных предикативов и форм на –no/-to, например, в стихотворении В. Шимборской «Rehabilitacja»: «Dziś o wieczności więcej wiem: można ją dawać i odbierać. Kogo nazwano zdrajcą – ten razem z imieniem ma umierać». В приведенном примере важную роль играет способ представления субъекта действия (состояния) в высказывании, позиция которого не замещена, субъект является неограниченным в своей неопределенности, поскольку поэт акцентирует внимание на процессе безотносительно к его производителю. Гораздо важнее для автора объект. В первом случае (*można ją dawać i odbierać*) под объектом подразумевается жизнь человека, его доброе имя, которое именуется «вечностью». Факт того, что жизнь можно забрать насильно, вызывает у лирического героя резко негативную оценку. В строках «Kogo nazwano zdrajcą – ten razem z imieniem ma umierać» конкретизируется сказанное ранее: кто назван предателем, тот вместе с этим именем и умрет. Таким образом, языковые единицы со значением имперсональности выступают в идейно-смысловой функции в контексте.

В польской лирике отмечены также жизнеутверждающие мотивы, постановка философских проблем: «Jest w nich (w tych wierszach) trochę uczuć <...> Komu jest zimno może ogrzać sobie ręce» (А. Książek. «Nie są to duże wiersze...»). Кроме того, можно сказать, что польским поэтам как представителям национально-культурной общности свойственно делать акцент на индивидуальной личности, выражении особого мнения, отличного от «мнения толпы», например: «Głos natury przywołuje stado wilków na skraju puszczy <...> Głos kultury jest sopranem <...> mój głos pośród wrzasku i chaosu prawie trzeciego tysiąclecia Lepiej milczeć» (А. Książek. «Parasol»).

Средства выражения безличности, используемые в лирике славянских поэтов, играют важную роль в композиционной структуре текста, выступая в составе фигур стилистического синтаксиса – параллелизма и анафорических повторов. При этом для стихотворений российских и болгарских поэтов характерно создание рефрена; только в русской лирике зафиксирована реализация эпифоры, например: «Смысла от вымысла не отличала, не замечала: не получилось! <...> Ты не сумел? Или я не сумела? Больше не важно: не получилось. <...> Завтра, быть может, опомнится, стукнет в сердце... Да поздно. Не получилось» (Р. Казакова. «Были слова. Но потом, а сначала...»).

Эстетическое воздействие чаще всего проявляется в нашем материале при выражении образной функции. Так, специфично для русской поэзии использование рассматриваемых средств при гиперболизации действительности, например, в стихотворении Р. Казаковой: «...Ах, как нас раскидало! Тускло туч молоко. Я, как Альфа Кентавра, далеко-далеко». Безличный глагол *раскидало* используется в образном значении, возникшем на основе конкретной семантики слова «направить в разные стороны, разместить, разбросать» [МАС, III, с. 643]. Употребление в контексте способствует актуализации семантических признаков ‘расположение в пространстве’ и ‘воздействие на объект’ в значении словоформы, что обуславливает появление смысла «разлучить кого-либо». Интенсивность действия, не зависящего от воли субъекта, заключенная в безличном глаголе, подчеркивается контекстуально – междометием, наречными компонентами *ах, как, далеко-далеко*, многоточием и восклицанием. Выражение носителя предикативного признака местоимением при безличном глаголе (*нас*) позволяет автору сравнить себя с далекой звездой и имплицитно указать на духовную отдаленность, разные жизненные пути героев, разобщенность интересов. Таким образом, безличный глагол *раскидало*, выражая отношение между действием и субъектом действия, не имеющим статуса подлежащего, участвует в создании мотива, с помощью которого изображается некая сила, неподконтрольная человеку, но оказывающая влияние на субъекта действия; безличная словоформа выполняет в контексте номинативную, текстообразующую, идейную, образную и экспрессивную функции.

В русской лирике отмечены также смыслы, позволяющие в поэтической форме рассказать о жизни и судьбе героя, например: «Жилось не гладко, не жирно, но распрямлялась снежинка в ладони, тайн не храня» (Р. Казакова.

«Кланяюсь всем, кто учил»); «Мне жилось одиноко. Мне жилось нелегко. Письмо пришло издалека – был, значит, далеко» (Л. Агеев. «Мне жилось одиноко...»). Результаты исследования свидетельствуют о закономерностях употребления языковых средств, которые позволяют говорить о таких чертах русского национального характера, отраженных в стихотворных текстах, как гуманность, способность к самопожертвованию, склонность к выражению сочувствия, терпеливость: «И пусть вот этот день мой так решен – не отрекаюсь от его распутий, не зарекаюсь от того, что будет... Мне трудно. Справедливо. Хорошо» (Р. Казакова. «Кто б нас ни заменил...»).

Языковые единицы с семантикой имперсональности могут выступать в экспрессивной функции, являясь средством выражения эмоций, оценок и интенсивности действия, состояния. Например, в стихотворении болгарской поэтессы В. Ивановой «Предопределеност» героиня метафорически сравнивает жизнь по правилам с двумя птицами, заключенными в клетку: «Плашат ме двете птици във клетка: една ако поиска да бяга – е страшно – не може. Просторът ограден е с решетка <...> На мене ми стига, че с теб сме начало: ЕДИНОЛЮБОВ И ЕДИНОЧОВЕК». В приведенном фрагменте употребляется наречие *страшно* в экспрессивной функции для того, чтобы сделать акцент на независимости обозначаемого состояния от воли субъекта, показать высокую интенсивность проявления признака. В тексте стихотворения данная словоформа образно-метафорически уподобляет состояние человека, лишённого свободы, птице в замкнутом пространстве клетки. Безличный глагол *стига* – «хватать, быть достаточным» [Българско-руски речник 2002, с. 412] указывает на достаток, полноту и служит для логического и эмоционального акцента на чувстве героини. Смысл этого чувства раскрывается выделением слов *единолюбов* и *единочовек*. Средства выражения имперсональности в контексте реализуют идейно-смысловую, образную и экспрессивную функцию.

Следует сказать, что болгарской поэзии свойственны как пессимизм: «Никак не съм наясно. И няма да бъда. Наоколо е опасно. Но няма друго» (В. Балева. «Ужас»), так и восторженное отношение к окружающему миру: «Аз лягам в синята трева и плача: дано и утре също да ме има» (М. Душкова. «Над мене е зелено като пролет...»). Кроме того, в лирике болгарских поэтов присутствуют патриотические мотивы единения лирического героя с народом.

Средства выражения имперсональности часто используются в характерологической функции. При этом в русской и польской лирике более употребительными являются безличные глаголы и предикативные наречия, например: «Woły stanęły, wyjrzałem przez szparę: stały nad jeziorem; o, jak mi się pić chciało. Cały dzień wlekiśmy się wśród upału, Ale nie mogłem tak porzucić pana Jak porzucili go ludzie» (J. Iwazskiewicz. «Pies Dariusza»). Глагол *chciało się* в форме 3 л. ед.ч. ср.п. прошедшего времени используется со значением пребывания в функциональном состоянии. В сочетании с инфинитивом «pić» он указывает на физиологическое желание. Субъект состояния в составе олицетворения выражен личным местоимением в форме Дат. п. (*mi*); в роли носителя предикативного признака в широком контексте выступает *Zuczek* –

собака, любимец умирающего короля. Преданное животное не покидает хозяина на всём протяжении пути, несмотря на жаркий день и жажду. Глагол со значением желания *chce się* употребляется в экспрессивно-переносном смысле, раскрывая «человеческие» чувства, присущие животному. Дополнительным средством усиления в контексте выступают междометие и вопросительное местоимение. Все это позволяет охарактеризовать поведение животного.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что средства выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике участвуют в реализации информативно-смыслового и эстетического содержания стихотворений, выступая в различных функциях.

В заключении изложены основные результаты проведенного исследования.

Выявлено, что в русской, польской и болгарской лирике категория имперсональности в плане выражения представлена безличными глаголами, предикативными наречиями (в том числе модальными предикативами), формами на –но/–то, безлично-отрицательными формами и конструкциями.

Определено, что важную роль в реализации значения имперсональности в контексте играет взаимодействие лексической, темпоральной семантики языковых единиц и способов репрезентации субъекта действия (состояния, отношения); в процессе функционирования средств выражения имперсональности выявлено 6 типов сопряжения названных признаков, релевантных для рассматриваемых поэтических текстов.

Обосновано, что, участвуя в формировании информативно-смыслового содержания стихотворения, средства выражения категории имперсональности выполняют номинативную, текстообразующую, идейно-смысловую и композиционную функции; выступая в составе приемов эстетического воздействия на читателя, они используются в образной, экспрессивной и характерологической функциях. Употребление языковых единиц в русской, польской и болгарской лирике обнаруживает избирательность в плане актуализации их изобразительно-выразительного потенциала. Показано, что функционально-семантические и стилистические свойства словоформ со значением имперсональности отражают специфику мировосприятия личности славянских поэтов как представителей определенной национально-культурной общности.

В качестве перспективы исследования рассматривается сопоставление функций средств выражения категории имперсональности в лирике славянских поэтов XIX и XX веков.

Содержание диссертации отражено в 15 работах (2 – в соавторстве) общим объемом 5,0 п.л.:

1. Щербаков, А.Ф. Семантико-грамматическая типология средств выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике / А.Ф. Щербаков // Вестник Российского государственного университета им. Иммануила Канта. – Вып. 8. – Сер. «Филол. науки». –

Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2009. – С. 13–19. *Статья опубликована в издании, рекомендованном ВАК Минобрнауки России* (0,4 п.л.).

2. Щербаков, А.Ф. Функции средств выражения категории имперсональности в русской и болгарской лирике / А.Ф. Щербаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – № 1 (11). – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2010. – С. 134–138. *Статья опубликована в издании, рекомендованном ВАК Минобрнауки России* (0,3 п.л.).

3. Щербаков, А.Ф. Семантико-стилистические функции безличных глаголов в поэтическом тексте (на материале русского, польского и болгарского языков) / А.Ф. Щербаков // X региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 8–11 нояб. 2005 г.: тез. докл. – Напр. 13 «Филология». – Волгоград: Перемена, 2006. – С. 200–202 (0,2 п.л.).

4. Щербаков, А.Ф. Функции безличных глаголов в лирике славянских поэтов / А.Ф. Щербаков // Студентски научни изследвания: докладите от Международната научна конференция РУСЕ – ВОЛГОГРАД 2006 (за студенти и докторанти) – Русе: Русенски университет «Ангел Кънчев», 2006. – С. 16–21 (0,4 п.л.).

5. Щербаков, А.Ф. Категория имперсональности в русском, польском и болгарском языках как средство выражения мировосприятия личности / Н.А. Тупилова, А.Ф. Щербаков // Модернизация и традиции – Нижнее Поволжье как перекресток культур: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. Д.С. Лихачева, г. Волгоград. 28–30 сент. 2006 г. – СПб.; Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006. – С. 593–600 (0,25 п.л. авт.).

6. Щербаков, А.Ф. Сопоставительное исследование средств выражения категории имперсональности в русском, польском и болгарском языках (на материале лирики славянских поэтов) / А.Ф. Щербаков // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы второй Международной науч. конф.: В 2-х т. Т. 1. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2007. – С. 201–206 (0,4 п.л.).

7. Щербаков, А.Ф. Понятие имперсональности в категориальном аспекте / А.Ф. Щербаков // Человек в современных философских концепциях: материалы Четвертой междунар. конф., г. Волгоград, 28–31 мая 2007 г.: В 4 т. Т. 4. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2007. – С. 106–110 (0,3 п.л.).

8. Щербаков, А.Ф. Безлично-предикативные слова как образное средство в лирике российских и болгарских поэтов / А.Ф. Щербаков // Материалы международной научной конференции «Культура в языке и литературе – язык и литература в культуре», посвященной 1145-летию Славянской письменности (23–24 мая 2008 года). – Вестник КНУ им. Жусупа Баласагына: Сер. 1 (6). Социальные и гуманитарные науки. – Вып. 2 (1–5, внепл.). Литературоведение. Языкознание. Культурология. – Бишкек: КНУ, 2008. – С. 57–62 (0,4 п.л.).

9. Щербаков, А.Ф. Образное использование глаголов со значением имперсональности в русской лирике / А.Ф. Щербаков // Молодая русистика: традиции и перспективы. – Горловка: Изд-во ГТПИИЯ, 2008. – С. 73–78 (0,4 п.л.).

10. Щербаков, А.Ф. Лингвостилистический анализ стихотворения Терезы Томси «*Jak trudno jest nie czekać...*» / А.Ф. Щербаков // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.А. Тупикова. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2008. – С. 181–184 (0,25 п.л.).

11. Щербаков, А.Ф. Прагматилистический потенциал безличных глаголов и его реализация в художественном тексте (на материале русской, польской и болгарской лирики) / А.Ф. Щербаков // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 г.): Труды и материалы / Под общ. рук. М.Л. Ремневой. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 373–374 (0,1 п.л.).

12. Щербаков, А.Ф. Использование средств выражения категории имперсональности в стихотворениях польской поэтессы В. Шимборской и их переводах на русский язык / А.Ф. Щербаков // Проблемы модернизации региона в исследованиях молодых ученых: материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 19–20 марта 2008 г. / Отв. ред. О.И. Сгибнева. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2008. – С. 210–213 (0,2 п.л.).

13. Щербаков, А.Ф. Образное использование глагольной лексики со значением имперсональности в лирике российских и польских поэтов / А.Ф. Щербаков // *Z zagadnień semantyki i stylistyki tekstu* / Pod red. A. Ginter. – Łódź: Wyd. Uniwersytetu Łódzkiego, 2010. – S. 201–208 (0,5 п.л. авт.).

14. Щербаков, А.Ф. Безличные глаголы как средство выражения идейно-художественного содержания в русской лирике в сопоставлении с польской и болгарской поэзией / Н.А. Тупикова, А.Ф. Щербаков // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Международной научной конференции (Псков, 22–24 апреля 2010 года). Т. II / Под ред. Н.В. Большаковой, Л.Я. Костючук, Т.Г. Никитиной, Л.М. Попковой. – Псков: ПШТУ, 2010. – С. 143–149 (0,2 п.л.).

15. Щербаков, А.Ф. Глагольные средства выражения мировосприятия личности в русской, польской и болгарской лирике / А.Ф. Щербаков // Славянские языки: единицы, категории, ценностные константы: сб. научн. тр. к 30-летию Волгоградского государственного университета / Отв. ред. Н.А. Тупикова. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2010. – С. 322–333 (0,7 п.л.).

Подписано в печать 16.02.2012 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 1,2.
Тираж 100 экз. Заказ 40.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
E-mail: izvolgu@volsu.ru